

Все это в летописном рассказе не более, конечно, как легкая агиографическая ретушь, литературная оправа, за которой, возможно, иногда таятся и „штампы“ самой жизни. Но бывают случаи, когда дело не ограничивается одной ретушью такого типа, — когда из рассказа выпадают целые эпизоды, переключая его полностью в агиографический план изображения.

Типичен в этом отношении уже читающийся в начале Киевской летописи рассказ под 1126 г. о победе Ярополка Владимировича над половцами. Материалом для рассказа послужило следующее событие: когда половцы узнали о смерти Владимира Мономаха, они осмелели; — подошли к Баручу, но, получив известие, что Ярополк в Переяславле и готовится к походу против них, вернулись на Посулье; Ярополк, не ожидая помощи от брата Мстислава, с одними переяславцами нагнал их и, хотя перевес был не на его стороне, нанес им тяжелое поражение. В начальной своей части рассказ этот — типичный документальный рассказ, каких много в Киевской летописи, но в конце — „документ“ явно начинает уступать место „литературе“: „... Тогда же благоверного князя корень и благоверная отрасль, Ярополк призва имя божие и отца своего, с дружиною своею дързну. И сразившемся полкома, побезени бывше погании, силою честнаго креста и святым Михаилом, часть их избиша, а часть их истопе в реке; и поможе ему бог и отца его молитва, и прославиша бога вси людие о таком даре и помощи“ (стр. 209). Агиографическая стилизация сказалась здесь во всем: и в эпитетах Ярополка, полных праздничной торжественности, и в типичной для повести патетической фразеологии и, наконец, в трактовке всего события как чуда, как знака особого попечительства божьего о Ярополке.

Пример не менее показательный — рассказ под 1149 г. о походе Юрия Долгорукого с братом Вячеславом и сыновьями на Луцк, где сидел Владимир Мстиславич; один эпизод этого пространного рассказа — о доблести Андрея Юрьевича (Боголюбского) — тоже переключается, как и рассказ о победе Ярополка над половцами, из „документа“ в типичное агиографическое „чудо“: „...пособием божием и; силою хрестьною и молитвою деда своего, въеха (Андрей) переже всих в противныя, и дружина его по нем ехаша... един же от немчичь видев и хоте просунути рогатиною, но бог сблуде и; многажды бо бог уметаеть в напасть любящая его, но милостью своею избавляеть. Князь же Андрей помысли себе в сердци, рече: „Се ми хоцеть быти Ярослава смерть Изяславича“ („Изяслава смерть Ярослава“?); и „помолися богу, и вынзе мечь свой и призва на помочь себе святаго мученика Федора, и по вере его избави бог и святой Феодор без вреда...“ (стр. 272).

Очень интересен в этой связи и другой эпизод того же рассказа под 1149 г.: когда война Юрия Долгорукого против Изяслава Мстиславича затянулась и встал вопрос о заключении мира с Изяславом и его